

Путь корифея

Среди актеров, которые своим вдохновенным творчеством в течение многих лет определяли высокий уровень театрального искусства в Одессе, почетное место принадлежит народному артисту Украины Лесю Луценко. Двадцатилетним он пришел в Одесскую Держдраму и отдал этому театру свыше шестидесяти лет самоотверженного творческого труда. В этом году исполняется сто лет со дня рождения Леся Устимовича.

Степень одаренности молодого актера всегда определяется уровнем игры в ансамбле с признанными мастерами сцены. Луценко начинал работать в труппе, украшением которой были легендарные Юрий Шумский, Иосиф Маяк, Лидия Мациевская. Он сразу был замечен режиссерами, и ему стали поручать роли первого плана. Артур в инсценировке романа Э.-Л. Войнич "Овод", Миловзоров в "Без вины виноватые" А. Островского, Самозванец в пушкинском "Борисе Годунове", молодые герои в пьесах современных драматургов... Каждая из работ отражала яркие грани таланта Луценко, который с одинаковым успехом играл роли героического плана и характерные роли.

В годы Великой Отечественной войны Л. Луценко вместе с театром оказался в эвакуации в Киргизии. Он был занят в каждом спектакле, играл почти ежедневно, в составе фронтовой бригады постоянно выступал перед бойцами действующей армии и тружениками тыла. С радостью возвратился в освобожденную Одессу, где снова стал ведущим актером Украинского театра.

Мое первое впечатление от игры Леся Устимовича — детское. В конце пятидесятых годов в Украинском театре шел спектакль "Разбойники" по Шиллеру в постановке В. Купченко. Франца Моора играл Луценко. Он сразу привлекал к себе внимание: красивый, обольстительный, смелый. И на первых порах трудно было поверить, что за всем этим скрывается подлость, лицемерие, беспощадная жестокость. Я тогда, возможно, впервые понял, что в реальной жизни зло может маскироваться за внешней благопристойностью... Спустя много лет, рассказав о своих детских впечатлениях Лесю Устимовичу, я услышал от него:

— Говорят, что зло — это неверно выбранный путь к добру. Поэтому изначально представлять отрицательного персонажа как злодея нельзя. Его нужно играть как положительного героя, но с обратным знаком. И тогда проявится его сущность. Так ориентировал меня Владимир Петрович Купченко.

Лесь Устимович принадлежал к когорте актеров, которые были бесконечно преданы своему делу, своему театру, жили его интересами, умели радоваться успехам коллег. Для него никогда не существовало разницы между главными и эпизодическими ролями. Все в спектакле должно было отвечать авторскому и режиссерскому замыслу, работать на его идею. Себя Луценко называл "идейным актером". В это определение он вкладывал широкий смысл.

— Не идейных спектаклей не бывает, — убежденно говорил Лесь Устимович. — Другое дело, о какой идее идет речь: о большой, глобальной, или мелкой, второстепенной. Я считаю важнейшими идеи, которые направлены на защиту общечеловеческих духовных ценностей. Идея преданности в любви, выраженная, скажем, в "Лесной песне" Леси Украинки или в "Ромео и Джульетте", по своим масштабам не меньше, чем идея освобождения народа в "Гайдамаках" Тараса Шевченко. Давно доказано: тот, кто предает в любви, может легко предать родину, друзей. Совесть, честь, верность, ответственность, бескомпромиссность... Для меня это понятия "идейные", и они должны в полной мере отражаться в творчестве актера.

Большое внимание Луценко уделял психологическому обоснованию сценического образа. У него не было одномерных положительных или отрицательных персонажей. Были люди с определенными чертами характера, со своими биографиями, своим пониманием правды. При таком подходе персонажи воспринимались как личности, типы. Помню, как убеждал своей кулацкой логикой Гиря в спектакле "97" по пьесе М. Кулиша (режиссер Б. Мешкис). Человек разумный, умеющий расположить к себе, — и при этом хитрый, подлый и лицемерный, Гиря в своих рассуждениях и поступках опирался на свое понимание добра и зла. Он не был лишен искренних родительских чувств, хорошо разбирался в людях и умел играть на их слабостях, но чувство собственника доминировало над всем. Кулак Гиря оказался побежденным в непримиримом столкновении с "коммунарами", однако именно благодаря цельности этого образа победа представителей новой власти выглядела весомой и внушительной.

Такой же психологической достоверностью поражал Бессеменов в "Мещанах" М. Горького (режиссер В. Тимошин). Луценко создал яркий образ человека, который, сам того не понимая, попал под колеса истории. Внешне неприметным, но масштабным в своих чувствах, помыслах и делах был его Терешко Колобок в трагикомедии "Трибунал" по пьесе А. Макаенка (режиссер В. Склярченко). Искреннее сочувствие вызывал одино-

кий, обделенный судьбой, вечно жалующийся на жизнь Гастрит в драме "Вечер" по пьесе А. Дударева (режиссер Б. Зайденберг).

Общеизвестно, что индивидуальность актера в полной мере раскрывается благодаря работе с хорошим режиссером, который становится скульптором ярких сценических образов. Леся Устимович плодотворно работал со многими режиссерами, но счастливыми мгновениями его творчества была работа с Василием Степановичем Василько. Работать с этим мастером означало окунуться в бездну тонких психологических нюансов, досконально определить линию развития характера, найти яркие средства речевой и пластической выразительности. В 1948 году Василько поставил в Одессе свою инсценировку известной повести Ольги Кобылянской "Земля", в которой Луценко играл Михайла. Этот спектакль стал этапным в жизни театра, во многом определил его эстетику, в основе которой был синтез социально-психологической и народной драмы, когда в судьбе личности отражается судьба народа, и наоборот, в судьбе народа — судьба личности. Михайло Луценко был героем, который выражал народное восприятие прекрасного, народное понимание правды.

Масштабными работами Леся Устимовича в спектаклях Василько были Зализняк в "Тайдамаках", Ибрагим в "Угрюм-реке". Яркий образ старого цыгана-скрипача Андронати в спектакле "У неділю рано зілля копала" по пьесе В. Василько в постановке Изакина Гриншпуна.

Многие годы Луценко выступал в роли Ленина. Этот образ он создавал в спектаклях "Именем революции" М. Шатрова, "Правда" А. Корнейчука, "Кремлевские куранты" Н. Погодина. В советское время это было ответственно и почетно. Образ вождя революции был разработан Лесем Устиновичем глубоко и детально, психологически убедительно. Сегодня можно сказать, что он увлеченно играл наше представление о Ленине как о "самом человеческом человеке", которое было сформировано советской пропагандой и передавалось из поколения в поколение. В эпоху перестройки, когда позолота с образа вождя сошла, я как-то заговорил с актером о Ленине. И услышал в ответ:

— Знаешь, я играл то, во что верил. Я и сейчас остаюсь коммунистом, хотя понимаю, сколько дров было наколото в нашей многострадальной истории... Людям всегда нужен идеал. Я стремился выразить этот идеал посредством образа Ленина, образа, который предлагала мне драматургия. И поверь: без всякой конъюнктуры.

Думаю, что при очевидной спорности этого суждения оно заслуживает уважения, поскольку высказано по-настоящему "идейным" человеком.

Луценко всегда было присущи чувство стиля, эстетики произведения, в котором он играл. Одной из ярких его актерских работ был Пунтила в спектакле "Господин Пунтила и его слуга Матти" в постановке Б. Мешкиса. В ней он проявил себя как мастер гротеска в эстетике "эпического театра" Б. Брехта. И рядом с Пунтилой еще один гротескный характер — Исаак в трагикомедии Э. Золя "Наследники Рабурдена".

Как подлинный мастер Луценко всегда проявлял в спектакле свое отношение к персонажу, искал мотивацию его поведения, корни его психологии. Большое внимание Лесь Устимович уделял пластике и сценическому слову, речевым интонациям. Каждая реплика, произнесенная им, поражала своей смысловым наполнением, мелодикой, динамикой.

Он был очень скромным человеком, никогда не стремился навязать свою точку зрения режиссерам и партнерам, но всегда находил аргументы, с которыми трудно было не согласиться, если речь шла о трактовке сценического образа, эпизода, всего спектакля в целом.

Луценко был прекрасным партнером. Это высоко ценили все, кто работал с ним. Он любил молодежь и всегда охотно помогал молодым.

Ему никогда не надо было ни с кем соревноваться, чтобы доказать, что он — лидер. Это понимали в театре все и относились к нему как к учителю, советчику, другу.

Лесь Устимович был прекрасным семьянином и отцом. Его отношения с супругой Феней Львовной Шнейдер, артисткой, а затем основателем и хранителем Музея театра, носили на редкость душевный характер. Они были не просто супругами, а по-настоящему друзьями-единомышленниками. Воспитали достойными людьми дочь и сына.

Лесь Устимович ушел из жизни накануне своего девяностолетия. Для тех, кто его знал, он до сих пор остается примером беззаветного служения театру.

